

В. Г. РЕВУНЕНКОВ

О СОЦИАЛЬНОЙ СУЩНОСТИ ДВИЖЕНИЯ ЭБЕРТИСТОВ

Эбертистами обычно называют группу деятелей Коммуны Парижа 1792—1794 гг. и клуба Кордельеров. К наиболее видным представителям этой группы относятся редактор популярной газеты «*Père Duchesne*» Жак Рене Эбер и прокурор Коммуны Анаксагор (Пьер Гаспар) Шометт.

Эбертисты и руководимая ими Коммуна Парижа сыграли крупную роль в борьбе за свержение монархии, за изгнание жирондистов из Конвента, за принятие мер против спекуляции и дороговизны. Однако весной 1794 г. революционное якобинское правительство отправило Эбера и его друзей на гильотину, а Коммуну подвергло чистке и лишило прежнего политического значения.

Гибели эбертистов несомненно способствовали свойственные им черты левого экстремизма, которые наносили ущерб делу революции. Но все же корни социального по сути дела конфликта, который привел к их казни, лежат глубже. Гибель эбертистов отобразила обострение противоречий между революционной якобинской буржуазией и общественными «низамы».

Большой интерес к эбертистам и Коммуне Парижа 1792—1794 гг. проявляли К. Маркс и Ф. Энгельс. В статье «Положение Англии. Восемнадцатый век» (1844 г.) Ф. Энгельс ставил эбертистов в связь с бабувистами и характеризовал обоих как особое направление в революции, отличное не только от жирондистов, но и от якобинцев. Сопоставляя расстановку классовых сил в Английской революции XVII в. и во Французской революции XVIII в., он писал: «В «Долгом парламенте» легко различить три ступени, которым во Франции соответствовали Учредительное собрание, Законодательное собрание и Национальный конвент. . . Жиронде, Горе и эбертистам с бабувистами соответствуют пресвитериане, индипенденты и левеллеры»¹.

В конце 70-х годов К. Маркс повторил высказанное Ф. Энгельсом мнение о том, что якобинцы и эбертисты представляют особые направления Французской революции, причем первое (якобинское) он охарактеризовал как более умеренное, а второе (эбертистское) — как «так называемое крайнее». В конспекте прений в немецком рейхстаге, который К. Маркс составил в 1878 г. и в котором он опровергал утверждение графа Эйленбурга о том, что в революционных движениях «крайние направления» якобы всегда берут верх над «умеренными направлениями», мы читаем: «Во-первых, *ошибочно* общее место, будто в исторических движениях берут верх так называемые крайние направления: Лютер против Томаса Мюнцера, пуритане против левеллеров, якобинцы против эбертистов. История доказывает как раз противоположное»².

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 602.

² «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», т. 1 (VI). М., 1933, стр. 396.

В конце 80-х годов Ф. Энгельс вновь вернулся к вопросу о роли Коммуны Парижа во Французской революции, подчеркнув, что именно она выражала устремления «тогдашнего плебейского братства»³. Ф. Энгельс видел определенную связь между Коммуной Парижа 1792—1794 гг. и движением Бабёфа. Отмечая, что социальные чаяния парижских плебеев и выразительницы их стремлений — Коммуны не могли быть ни достаточно четкими, ни вполне определенными, он писал: «Чего они хотели, никто сказать не мог до тех пор, пока, спустя долгое время после падения Коммуны, Бабёф не придавал этому определенную форму. Если Коммуна со своими стремлениями к братству выступила слишком рано, то Бабёф, в свою очередь, пришел слишком поздно»⁴.

Нельзя не согласиться с В. М. Далиным, который еще в 30-е годы писал: «Подчеркивая роль плебеев в революции, Маркс и Энгельс видели выразителя их интересов и требований в Парижской коммуне. Когда у Маркса и Энгельса идет речь об «эбертистах», они имеют в виду именно представителей парижских плебеев, Парижскую коммуну 1793—1794 гг.»⁵ Справедливо и замечание В. М. Далина о «вскрытой Энгельсом преемственности между Коммуной 1792—1794 гг. и движением Бабёфа»⁶.

Коммуна Парижа олицетворяла в глазах Ф. Энгельса особое направление в области не только внутренней, но и внешней политики. «Коммуна Парижа и Клоутс, — писал он, — были сторонниками пропагандистской войны, считая ее единственным средством спасения, тогда как Комитет общественного спасения *дипломатничал*, боялся европейской коалиции, искал мира посредством *раскола* коалиции»⁷. Отмечая, что позиция Дантона отличалась от позиции Робеспьера только тем, что первый хотел мира с Англией, а второй «интриговал в Базеле с Австрией и Пруссией», Ф. Энгельс подчеркивал: «Оба они совместно боролись против Коммуны, чтобы прежде всего свергнуть людей, которые хотели пропагандистской войны, распространения республиканского строя во всей Европе. Им удалось победить, Коммуна (Эбер, Клоутс и др.) была обезглавлена»⁸.

В этом конфликте Коммуны и Комитета общественного спасения симпатии самого Ф. Энгельса были целиком на стороне Коммуны. «Трагично то, — писал он, — что партия войны на смерть, войны за освобождение народов оказалась права и республика победила всю Европу, но только уже после того, как сама эта партия давно была обезглавлена; и вместо пропагандистской войны наступил Базельский мир и буржуазная оргия Директории»⁹. Эти строки из письма к В. Адлеру (1889 г.) показывают, что Ф. Энгельс не только сочувствовал эбертистам, но и нащупывал основную причину крушения якобинской диктатуры, именно то трагичное для Робеспьера и его сторонников обстоятельство, что, разгромив «крайне левую» («бешеных», эбертистов), они оказались бессильными перед лицом контрреволюционных элементов буржуазии и стали легкой добычей термидорианцев.

В новейшей исторической литературе вопрос о причине казни эбертистов освещался по-разному. Левобуржуазный историк А. Матъез, который идеализировал Робеспьера и был крайне несправедлив к его противникам слева, вообще отрицал, что у Эбера была какая-либо социально-экономическая программа, и категорически утверждал: «Эбертисты пали не вслед-

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 127.

⁴ Там же, стр. 127.

⁵ В. М. Далин. Письмо Энгельса о Великой Французской революции. — «Историк-марксист», 1930, № 2 (30), стр. 52.

⁶ В. М. Далин. «Агент связи» Бабёфа Дидье-Журдейль. — «Из истории общественных движений и международных отношений». М., 1957, стр. 257.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 266.

⁸ Там же.

⁹ Там же, стр. 267.

ствие своей экономической политики»¹⁰. Главной причиной казни эбертистов он считал их авантюрную «попытку восстания», которую якобинское правительство, естественно, должно было пресечь.

Современный французский историк-коммунист А. Собуль, напротив, полагает, что так называемая попытка восстания со стороны эбертистов (до попытки восстания дело не дошло, была лишь попытка начать агитацию за него) явилась не причиной, а лишь предлогом к расправе с ними. Собуль отвергает мнение Матьеза, что у Эбера не было никакой социально-экономической программы, и считает, что именно он выражал социальные чаяния народных «низов». «Революционное правительство,— пишет Собуль,— подавило не заговор, имевший своей целью захват власти; оно избавилось от оппозиции, неорганизованной, подчас беспорядочной, но опасной, ибо эта оппозиция использовала социальные требования и политическую позицию, несовместимые со взглядами имущих. . . В лице Эбера обвинение мегило в народное движение, глашатаем которого он был»¹¹.

Анализ конкретных обстоятельств гибели эбертистов подтверждает, что именно разногласия по социально-экономическим вопросам являлись наиболее острыми и непримиримыми среди всех других, которые разделяли Коммуну Парижа, с одной стороны, и якобинское правительство,— с другой.

В конце 1793 г. по Франции прокатилась волна так называемой деchristианизации: закрывались католические и иные храмы, священников принуждали отрекаться от сана, глумились над предметами культа. Это был явный левый эксцесс, в котором Эбери другие руководители Коммуны Парижа были, конечно, повинны, но отнюдь не в большей мере, чем многие другие революционеры, в том числе изрядное количество комиссаров Конвента в департаментах.

19 вандемьера II г. (10 октября 1793 г.) комиссар Конвента Ж. Фуше, находившийся тогда в Невере, издал свое шумевшее постановление, которым предписывалось: «1. Все культы различных вероисповеданий могут быть отпрямляемы только в принадлежащих им храмах; 2. Так как республика не признает никакого господствующего или привилегированного культа, то все религиозные символы, находящиеся на дорогах, площадях и вообще во всех общественных местах, подлежат уничтожению; 3. Всем священникам и служителям культа под страхом заключения запрещается показываться вне храмов в одежде, присвоенной их культуре». Фуше разрешал сажать на кладбищах лишь деревья, «под сенью которых будет вышпаться изваяние, изображающее Сон. Все прочие символы подлежат уничтожению». На кладбищенских воротах надлежало сделать надпись: «Смерть есть вечный сон».

Постановлению Фуше стали подражать. Многие комиссары Конвента в департаментах либо издавали аналогичные постановления, либо просто распространяли действие постановления Фуше на подведомственные им области. Так же поступила и Коммуна Парижа, одоббившая 25 вандемьера постановление Фуше. 11 брюмера (1 ноября) в Конвент явились посланцы Фуше — делегаты из Невера и принесли 17 ящиков с золотом, серебром и прочей церковной утварью. «Санкюлоты Ньевры,— заявили они,— презирая золото и серебро, явились к вам, чтобы вручить эти реликвии фанатизма и гордости. Они попирают ногами кресты и все игрушки попов. . . Кроме того, они выражают категорическое пожелание упразднить служителей католического культа и заменить их проповедниками морали»¹².

¹⁰ А. М а т ь е з. Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора. М. — Л., 1928, стр. 417.

¹¹ А. С о б у л ь. Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры. М., 1966, стр. 397—398.

¹² Я. М. З а х е р. Дехристианизаторская деятельность Ж. Фуше.— «Ежегодник музея истории религии и атеизма», вып. III. М. — Л., 1959, стр. 108—110.

Действия Фуше и других комиссаров Конвента, изымавших церковное золото, приводили в восторг Эбера и его друзей из Коммуны и народных обществ. «Ах, черт возьми! — писал он в своей газете. — Если бы санкюлот Иисус вернулся на землю, как он был бы доволен, видя, что все воры изгоняются из храмов». Эбер разъяснял своим читателям, что «бравый санкюлот Иисус», «сын бедного плотника» был-де «заклятым врагом священников» и «хорошо знал все их плутни», а священники «платили ему лютой ненавистью. . . В согласии с судьями и Капетом тех дней они повесили бедного санкюлота Иисуса, но так, чтобы больше его помучить, а после его смерти они завладели его останками, исказили его евангелие и заставили служить своим плутням»¹³.

Поздно ночью 16 брюмера (6 ноября) к парижскому архиепископу Гобелю, который уже лег спать, явилась депутация Центрального комитета народных обществ в сопровождении Анахарсиса Клоотса, Перейры и Леонара Бурдона. Разбудив этого престарелого служителя церкви, она заявила ему, что он должен отречься от сана и приказать подчиненному ему духовенству закрыть церкви. На другой день, 17 брюмера (7 ноября), Гобель, запросив предварительно мнение епископского совета, явился в Конвент и торжественно отрекся от своего сана. За отречением Гобеля последовали массовые отречения от сана духовных лиц как в Париже, так и в департаментах.

3 фримера (23 ноября) Генеральный совет Коммуны по предложению Шометта постановил: «1. Что все церкви и храмы всех религий и всех культов, существовавших в Париже, будут немедленно закрыты; 2. Что все священники и служители каждого из культов несут персональную ответственность за все волнения, источником которых явятся религиозные убеждения; 3. Что всякий, кто потребует открыть храм или церковь, будет арестован как подозрительный»¹⁴.

Тем временем в Генеральный совет Коммуны одна за другой являлись депутации от секций, чтобы заявить о своем отказе от католического культа. Секции Кенз-Вэн, Ломбар, Прав человека, Гравилье, Арсенала, Нераздельности и Музея сообщили, «что, не желая отправлять иного культа, кроме культа свободы, здравой философии и разума, они закрыли церкви своих округов и намерены преподнести Конвенту и возложить на алтарь отечества все ценности, служившие гордыне тех, кто называл себя выразителями воли божества». Революционный комитет секции Соединения принес Совету кресты, чаши и прочую утварь. Народное общество секции Музея с гордостью сообщило о сожжении библии и других церковных книг. Секция Бон-Нувель докладывала, что она «открыла у себя курсы морали». Народное общество секции Ратуши жаловалось на то, «что ханжи и фанатики продолжают еще собираться вокруг чаш со святой водой», и просило Совет принять меры к тому, «чтобы отнять у этих глупцов надежду на воскрешение фанатизма». Совет обязал командующего Национальной гвардией «принять меры для прекращения этих сборищ»¹⁵.

Робеспьер по-государственному мудро выступил против дехристианизации, за свободу культов, при строгом пресечении всяких попыток контрреволюционной деятельности со стороны духовенства. Вместе с тем Неподкупный использовал обстановку, созданную дехристианизацией, в целях межфракционной борьбы. Он свалил всю ответственность за насилие над католическим культом на «подлых эмиссаров иностранных тиранов», как он публично назвал эбертистов, и открыто обвинил эту «преступную фракцию» в том, что она своим «атеизмом» и «безнравственностью» компрометирует революцию. «Верно ли, что главной причиной наших бед является фанатизм? — спрашивал он в речи, произнесенной 1 фримера

¹³ «Père Duchesne», № 301.

¹⁴ Ph. B u c h e z, P. R o u x. Histoire parlementaire de la Révolution française, t. 1—40. Paris, 1834—1838; t. 30, p. 284.

¹⁵ F. B r a e s c h. Papiers de Chaumette. Paris, 1908, p. 206—211.

(21 ноября) в Якобинском клубе.— Фанатизм! Он умирает. . . Вы говорите, что боитесь священников? А священники еще больше боятся успехов просвещения. . . Нет, не фанатизм должен быть теперь главным предметом нашего беспокойства. . . Не видите ли вы, какую западню нам расставляют враги республики и подлые эмиссары иностранных тиранов?... Они хотели бы вызвать к нам неприязнь всех народов. . . и оттолкнуть от вас с помощью предрассудков или религиозных догматов тех, кого мораль и общий интерес привлекли к величественному и святому делу, которое мы защищаем».

Но Робеспьер не ограничился защитой свободы культов. Он поспешил осудить атеизм и выступить в защиту религии, правда не католической. Он стал доказывать, что религия необходима именно народу, что она составляет утешение для несчастных и угнетенных, т. е. занял в этом вопросе типично буржуазную позицию. «Могут, возможно, сказать, что я человек ограниченный, суеверный,— говорил он.— Атеизм аристократичен; идея «верховного существа», охраняющего угнетенную невинность и карающего торжествующее преступление,— это народная идея (*горячие аплодисменты*). Народ, все несчастные аплодируют мне, критиковать меня стали бы богачи и преступники». И Робеспьер повторил известные слова Вольтера: «Если бы бога не существовало, его надо было бы выдумать»¹⁶.

16 фримера (6 декабря) Конвент принял декрет о свободе культов. Декрет запрещал «всякие насилия или угрозы, противоречащие свободе культов». Вместе с тем в декрете подчеркивалось, что Конвент «никоим образом не намерен отменять репрессивные законы и меры общественного спасения, направленные против неприсяжных и мятежных священников и против всех тех, кто попытался бы злоупотреблять религией, чтобы повредить делу свободы»¹⁷.

Коммуна встала на путь отказа от насильственного искоренения католического культа еще до появления декрета. На заседании Генерального совета Коммуны 8 фримера (28 ноября) Шометт призвал отказаться от всяких дискуссий относительно религии. «Нам мало дела до того, кто является теистом или атеистом,— говорил он.— Не будем справляться о том, посещает ли он мессу, синагогу или протестантскую службу; будем справляться лишь о том, является ли он республиканцем». Шометт предложил Совету заявить: «1. Что он не будет больше выслушивать никаких предложений, петиций или мнений ни о каком культе, ни о какой метафизической или религиозной идее; 2. Что, так как отправление культов является свободным, он никогда не предполагал и не предполагает препятствовать гражданам нанимать здания и оплачивать служителей любого культа, лишь бы только его отправление не было вредным для общества». После горячей дискуссии, в ходе которой многие члены Совета утверждали, что если вновь открыть церкви, то «временно подавленный фанатизм возродится с новой силой», Совет одобрил предложения Шометта¹⁸.

Эбер всячески открещивался от атеизма. На чистке в Якобинском клубе 21 фримера (11 декабря) он сказал: «Меня обвиняют в атеизме. Я категорически отвергаю это обвинение. Я заявляю, что в своей газете я проповедовал жителям деревни чтение евангелия. Эта книга морали кажется мне превосходной, и необходимо следовать всем ее заповедям, чтобы быть безукоризненным якобинцем. Иисус Христос представляется мне основателем народных обществ»¹⁹. И Эбер отнюдь не лукавил. При всех своих выпадах против фанатизма и попов и он, и Шометт не сомневались, что миром управляет некое божественное начало. Культ Разума, который по-

¹⁶ М. Робеспьер. Избранные произведения, т. I—III. М., 1965; т. III, стр. 70—74.

¹⁷ Ph. Buchez, P. Roux. Op. cit., t. 30, p. 324.

¹⁸ Ibid., p. 290—291.

¹⁹ G. Walter. Hébert et le «Père Duchesne». Paris, 1946, p. 167.

ощряла Коммуна, был воплощением не атеизма, а деизма, т. е. представлял известный компромисс с религией. Что касается допущенных в борьбе с католическим духовенством перегибов, то их Коммуна Парижа исправляла так же, как это делали и комиссары Конвента в департаментах.

Разногласия между эбертистами и Коммуной, с одной стороны, и монтаньярами, — с другой, по религиозным вопросам, весьма острые в ноябре — начале декабря 1793 г., в дальнейшем, благодаря отказу Коммуны от крайностей в борьбе с католическим духовенством, значительно ослабли и во всяком случае отошли на задний план по сравнению с разногласиями по социально-экономическим вопросам. Что касается разногласий в области внешней политики, то они также утратили свою остроту с тех пор, как Эбер фактически отмежевался от Клоотса и агитации последнего в пользу «всемирной республики».

Клоотс, переселившийся во Францию прусский барон (из Клеве на Рейне), богат, поклонник всего французского, был заметной фигурой среди деятелей парижских клубов. Революцию он встретил восторженно, отказался от звания барона и сменил свое обыкновенное имя Жан Батист на звучное древнегреческое — Анахарсис. Клоотс был атеистом. Он отрицал существование бога и на своих визитных карточках писал: «А. Клоотс, личный враг Иисуса Христа». Но главным делом своей жизни он считал агитацию за «революционную войну» с целью свержения «всех тиранов» и создания единой «всемирной республики», столицей которой должен был стать любезный ему Париж. Клоотс был очень популярен. Его избрали в Конвент сразу от двух департаментов (мандат он принял от Уазы). В Конвенте Клоотс был членом Дипломатического комитета. Пропаганда «революционной войны», естественно, сблизила его с жирондистами. Но во время процесса короля он решительно стал на сторону Горы. Одно время Клоотс был председателем Якобинского клуба. В конце 1793 г. он сблизился с эбертистами и Коммуной на почве дехристианизации и пропаганды «войны до крайности». Его социальные взгляды отличались консерватизмом, и «оратор рода человеческого» не раз выступал против пропаганды «аграрного закона».

Агитация за «революционную войну», за «освобождение народов» увлекла очень многих. Повстанческая Коммуна, едва конституировавшись, спешит принять 12 августа 1792 г. постановление о составлении адреса Национальному собранию, в котором следует «просить его заявить от имени французского государства, что хотя Франция отказалась от всяких завоеваний, тем не менее нация приложит самые большие усилия к освобождению от ига деспотизма всех народов земли и что лишь с этой целью она готовится вступить на иностранную территорию»²⁰.

19 ноября 1792 г. Конвент объявил от имени французской нации, «что обещает братскую помощь всем народам, которые захотят вернуть себе свободу, и поручает исполнительной власти отдать генералам необходимые приказания, чтобы оказать помощь этим народам и защитить тех граждан, которые терпят или могут потерпеть притеснения за дело свободы»²¹. Сен-Жюст выражал чрезвычайно широко распространенные настроения, когда говорил 12 февраля 1793 г. в Конвенте: «Мы призваны изменить природу европейских государств; мы не должны отдыхать до тех пор, пока Европа не будет свободной; ее свобода будет гарантировать прочность нашей. На земле существуют три вещи, с которыми не может примириться революционная добродетель: первая — существование королей, вторая — послушание королям и третья — заключение мира в то время, когда где-нибудь еще существуют господа и рабы»²².

²⁰ Ph. Buchez, P. Roux. Op. cit., t. 17, p. 192.

²¹ «Réimpression de l'ancien Moniteur» (далее — «Moniteur»), t. 1—32. Paris, 1850—1854; t. 14, p. 517.

²² «Oeuvres complètes de Saint-Just», t. 1. Paris, 1908, p. 414.

Разумеется, и Эбер считал, что Франция должна воевать до полного уничтожения всех «тиранов». Окончание войны он представлял себе так: «Все троны разбойников низвергнуты, все народы наконец свободны. Они клянутся в вечном мире и дружбе к великодушной нации, которая разбила их цепи»²³. Эбер не сомневался также в том, что в ближайшем будущем «увидят турок, русских, французов, англичан, даже немцев, соединенных в один сенат и составляющих один великий Конвент всех наций Европы»²⁴.

Агитация за «революционную войну», да еще с такими крайностями, как призыв того же Эбера отказаться от всякой дипломатии, от всяких переговоров с иностранными государями, еще более затрудняла и без того тяжелое международное положение Франции. Робеспьер вполне резонно выступил против революционного авантюризма Клоотса и Эбера. «Можно помочь свободе. Но нельзя создать ее применением иностранной вооруженной силы, — писал он в феврале 1793 г. — Те, кто хотя бы диктовать законы с оружием в руках, рассматриваются всегда как чужеземцы и завоеватели. . . Сейчас все, что нам нужно — это разгромить воюющих с нами тиранов. Время, разум, наш пример и мир сделают остальное. . . Отдадим судьбы народов в их собственные руки»²⁵.

Этот призыв к реализму в области внешней политики поддержал и Дантон. Выступая 13 апреля 1793 г. в Конвенте от имени Комитета общественного спасения, он подверг критике декрет от 19 ноября прошлого года и потребовал его отмены. «Этот декрет, изложенный в столь неопределенных выражениях, — говорил Дантон, — обязал бы вас поддерживать даже горстку патриотов, которым вздумалось бы устроить революцию в Китае. Вынесем решение не вмешиваться в дела наших соседей». Конвент согласился с Дантоном и декретировал, «что он никоим образом не будет вмешиваться в управление других держав; но в то же время он заявляет, что скорее погибнет под собственными развалинами, чем потерпит вмешательство какой-либо державы во внутренние дела республики»²⁶.

Этот декрет был давно назревшим шагом. Только он открывал путь для активной дипломатии республики, рассчитанной на раскол вражеской коалиции, а также на упрочение отношений с нейтральными государствами. Опыт подтвердил правильность этой линии, которая нашла свое отражение и в конституции 1793 г., статьи которой гласили: «118. Французский народ является другом и естественным союзником свободных народов; 119. Он не вмешивается в управление других наций. Он не потерпит, чтобы и другие нации вмешивались в его управление. . . 121. Он не заключает мира с врагом, который оккупирует его территорию»²⁷.

Таким образом, провозглашался принцип защиты независимости и территориальной целостности своей страны и невмешательства во внутренние дела других народов. Несомненно, формулировка этого принципа была крупным достижением передовой политической мысли и большой заслугой лично Робеспьера. Но внешнюю политику монтаньяров нельзя идеализировать. Они справедливо отвергали революционный авантюризм, свойственный Клоотсу и Эберу. Однако чем больше побеждали армии республики, тем явственнее Конвент и правительственные комитеты отказывались от того рационального, что было у Клоотса и Эбера: от обязательств помогать освободительному движению других народов. Правительство якобинской диктатуры все больше и больше заботилось о соблюдении во внешней политике прежде всего французских буржуазных интересов.

²³ «Père Duchesne», № 229.

²⁴ «Père Duchesne», № 348.

²⁵ М. Робеспьер. Указ. соч., т. II, стр. 229—230.

²⁶ Ж. Дантон. Избранные речи. Госиздат Украины, 1924, стр. 49—50; Ph. Buchez, P. Roux. Op. cit., t. 25, p. 445—446.

²⁷ Ph. Buchez, P. Roux. Op. cit., t. 31, p. 414.

Требую 31 января 1793 г. в Конвенте издания декрета о присоединении к Франции бельгийских провинций, Дантон выдвинул лозунг «естественных границ» как цели французской внешней политики. «Я утверждаю, — говорил он, — что напрасно высказываются опасения по поводу чрезмерного расширения республики. Ее границы определены самой природой. Мы ограничены ею со всех четырех сторон горизонта — со стороны Рейна, со стороны океана, со стороны Альп и Пиренеев. Границы нашей республики должны закончиться у этих пределов, и никакая сила на земле не помешает нам их достигнуть»²⁸.

15 сентября 1793 г. Конвент по предложению Жанбона Сент-Андре принял инструкцию о поведении французских войск на занятых территориях. Республиканским генералам предписывалось поступать по строжайшим обычаям войны, «отказываясь от всякой филантропии, направленной к разъяснению иностранным народам преимуществ и значения свободы». Им рекомендовалось брать заложников, обезоруживать население, взимать контрибуции и производить реквизиции, но раскладывать их по преимуществу на богатых. Этот суровый и беспощадный язык инструкции свидетельствовал о том, что побеждал старый принцип: «война должна кормить войну». Ставка делалась уже не на распространение революции, а на пополнение ресурсов Франции за счет неприятеля²⁹.

А 21 сентября того же года Конвент по докладу Барера принял Навигационный акт, подобный знаменитому акту Кромвеля, но направленный, естественно, против Англии, от конкуренции которой страдала молодая французская промышленность, не пережившая еще стадии промышленной революции. Этот акт запрещал доступ во Францию английским судам и английским товарам. Его нельзя рассматривать как нечто случайное или несущественное. Овеянный духом крайнего протекционизма, он отвечал жизненным интересам нарождавшейся французской промышленной буржуазии и получил дальнейшее развитие во внешней торговой политике Директории и империи.

Естественно, что в конце 1793 г., когда во внешней политике якобинского правительства все явственнее давали себя знать буржуазные интересы, призывы Клоотса к «всемирной революции» не могли не показаться анахронизмом. Озабоченный тем, чтобы расколоть противостоящую Франции монархическую коалицию или по меньшей мере удержать от присоединения к ней еще остававшихся нейтральными европейских государств, Комитет общественного спасения все откровеннее давал понять, что французская республика отнюдь не собирается обременять себя «освободительной миссией» в отношении других народов. Выступая 5 декабря 1793 г. в Конвенте, Робеспьер говорил: «Народы, если у вас нет сил вернуть себе свои права, если вам не дано оценить права, которые мы вернули вам, по крайней мере остерегайтесь нарушать наши права или клеветать на нашу храбрость. Французы вовсе не одержимы манией сделать счастливой и свободной какую-нибудь нацию против ее воли. Все монархи могли бы по-прежнему прозябать или умирать на своих окровавленных тронах, если бы они умели уважать независимость французского народа»³⁰.

Что касается Клоотса, исключенного из Якобинского клуба, а также (как и другие иностранцы) из Конвента и арестованного, то Робеспьер клеймил его как... агента «иностраных тиранов». «Тот, кто призывает Францию к завоеванию мира, — говорил он в Конвенте 5 февраля 1794 г., — не имеет другой цели, как призвать тиранов к завоеванию Франции. Лицемерный иностранец, который в течение пяти лет провозглашает Париж столицей земного шара, произносит на другом жаргоне проклятия под-

²⁸ Ж. Дантон. Указ. соч., стр. 27.

²⁹ A. Mathiez. La révolution et les étrangers. Paris, 1918, p. 150—153.

³⁰ М. Робеспьер. Указ. соч., т. III, стр. 86.

лых федералистов, обречших Париж на разрушение. . . Война, объявленная божеству, лишь отвлекает внимание в пользу королевской власти»³¹.

Но что Робеспьер! От Клоотса отрекся и Эбер. «Настанет пора, я надеюсь, когда все народы земли, уничтожив своих тиранов, образуют единую братскую семью, — писал он около 20 февраля 1794 г. — Однако я не думаю, как пророк Анахарсис, что мы должны стать донкихотами и собираться предпринять всеобщий крестовый поход, чтобы обратиться к свободе тех, кто еще не достоин ее познать. Время и разум — вот кто произведет это чудо»³².

Таким образом, сам ход событий сгладил или отодвинул на задний план разногласия и по религиозным вопросам, а также по вопросам внешней политики, которые ранее разделяли эбертистов и Коммуну, с одной стороны, и правительственные комитеты, — с другой. И те, и другие отказались от перегибов в борьбе с католическим духовенством и решительно отмежевывались также от планов революционизирования Европы, которые пропагандировал Клоотс. Зато обострились и становились все более непримиримыми разногласия между ними по вопросам социально-экономической политики. Именно здесь и лежали главные причины расправы с эбертистами.

Ошибаются, по нашему мнению, те историки, которые считают, что у Эбера не имелось никакой или по меньшей мере достаточно ясной социально-экономической программы. Самой яркой стороной всей агитации Эбера была именно его социальная программа, очень популярная среди санкюлотов. Эбер объявлял войну богатым, протестовал против крайностей имущественного неравенства, требовал раздробления собственности и наделения ею неимущих³³. Эбер настаивал на том, чтобы богатые были лишены возможности «собирать безмерные богатства», чтобы их заставили довольствоваться «скромной прибылью», а главное, чтобы и неимущим был открыт доступ к собственности, чтобы и они могли «работать за свой счет». Свой социальный идеал Эбер формулировал в следующих словах: «Санкюлоты составят одну семью; они будут знать лишь святое равенство. . . Не увидят больше наглых богачей, несметных богатств, но нищета также исчезнет»³⁴.

Большое внимание Эбер уделял аграрному вопросу, намечая действительно плебейские способы его решения. «Чтобы убить одним ударом купеческую и фермерскую аристократию, — писал он, — пусть разделят все крупные имения на мелкие участки, а также «станут продавать национальные имущества лишь мелкими частями. . .»³⁵ Какие бы недостатки и ошибки не были свойственны Эберу, заслугой его остается то, что он с большой настойчивостью выдвигал это требование с целью передачи земли в руки трудового люда, а не сельских богачей. Это самая сильная сторона социальной агитации Эбера. И именно в этой области его разногласия с руководством Горы были особенно глубоки и непримиримы. Ведь аграрная политика монтаньяров была передовой, революционной, но, несомненно, буржуазной. Они довели до конца великое дело уничтожения феодальных порядков во французской деревне и облегчили возможность для более или менее состоятельных слоев крестьянства увеличить свою собственность за счет земель церкви и дворян-эмигрантов. Но на

³¹ Там же, стр. 116—117. Об этом и дальнейшем см. также: А. Л. Н а р о ч н и ц к и й. Вопросы войны и мира во внешней политике якобинской республики летом 1793 г. — «Ученые записки» Московского гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина, т. LVIII, вып. 2, М., 1949, стр. 63—104; е г о ж е. Раскол среди якобинцев и внешняя политика якобинской республики с января до апреля 1794 г. — Там же, т. XXXVII, вып. 3, М., 1946, стр. 107—158.

³² «Père Duchesne», № 348.

³³ «Père Duchesne», № 272.

³⁴ «Père Duchesne», № 279, 338.

³⁵ «Père Duchesne», № 345.

уравнительный передел земли в интересах беднейшего крестьянства монтаньяры не пошли ³⁶.

Велики также были разногласия между эбертистами и монтаньярами в продовольственном вопросе. Под нажимом городской и сельской бедноты и прежде всего Коммуны Парижа и ее секций Конвент был вынужден установить твердые цены на продовольствие и другие предметы первой необходимости (так называемый максимум). Этот закон вызвал недовольство среди торговцев, и они всячески его саботировали. Достать товары по твердым ценам было трудно. Процветал «черный рынок». Естественно, что Эбер и другие руководители Коммуны Парижа стояли за строжайшее исполнение закона о максимуме, требовали усиления террора против спекулянтов. «Богатые фермеры, торговцы и продавцы всякого рода, я объявляю вам бой не на жизнь, а на смерть,— писал Эбер около 12 февраля 1794 г.— Пусть скупой фермер, который отказывается продавать свои продукты по максимуму, будет изобличен; пусть мануфактурист, изготавливающий плохие ткани, и торговец, обвешивающий покупателей и ухудшающий качество своих товаров, будут наказаны, как того требует закон! . . . Надо прижать твердой рукой всех скупщиков, больших и малых, и тотчас же возродится изобилие и восстановится порядок» ³⁷.

Монтаньяры же, напротив, стремились смягчить закон о максимуме в пользу торговцев. Декретом от 21—22 февраля 1794 г. Конвент внес существенные изменения в этот закон («третий максимум»). Национальные агенты дистриктов уполномочивались установить новые максимальные цены, более выгодные для торговцев: к цене каждого товара 1790 г., увеличенной на одну треть, приплюсовывались еще 5% прибыли для оптового торговца, 10% прибыли для розничного торговца и транспортные расходы.

Лидеры Горы с беспокойством следили за агитацией Эбера, направленной на усиление террора против торговцев. «Но вот явился Эбер и нагнал на парижскую торговлю такую панику, что стало совершенно невозможно снабжать этот город продовольствием. Из Парижа паника распространилась по всей Франции», — сетовал впоследствии Сен-Жюст в Конвенте ³⁸.

Еще 17 декабря 1793 г. Конвент принял декрет об аресте двух видных кордельеров — генерального секретаря военного министерства Венсана и командующего Революционной армией Ронсена. Этот арест вызвал сильное возбуждение в парижских клубах и секциях. Освобождения Венсана и Ронсена требовали кордельеры, многие секции и народные общества. В конце концов этого же потребовал и Якобинский клуб. Даже Амар от имени Комитета общей безопасности был вынужден заявить, что против арестованных нет никаких улик. Тем не менее Венсана и Ронсена продолжали держать в тюрьме. Кто же мешал их освобождению? Да сам Робеспьер. Неподкупный решительно выступал против адресов и петиций с требованием освобождения Венсана и Ронсена. «Почему же нам не остаться спокойными,— говорил он 26 декабря у якобинцев.— Конвент хочет подождать, пока не станет ясна вся правда» ³⁹.

Удивительно ли, что кордельеры негодовали? На заседании клуба Кордельеров 12 плювиоза II г. (31 января 1794 г.) один из присутствовавших пожаловался, что к патриотам относятся несправедливо, что попираются права человека, и в знак протеста предложил завесить черной вуалью скрижали, на которых начертана Декларация прав. Кордельеры единодушно одобрили это предложение и постановили, что траурная вуаль «будет укрывать Права человека от взглядов кордельеров до тех пор, пока преследуемым патриотам не будет оказано правосудие» ⁴⁰.

³⁶ См. В. Г. Ревуненков. Об аграрной политике якобинцев.— «Вестник Ленинградского университета», 1973, № 2, стр. 156—159.

³⁷ «Père Duchesne», № 345.

³⁸ Ph. B u c h e z, P. R o u x. Op. cit., t. 32, p. 306.

³⁹ М. Р о б е с п ь е р. Указ. соч., т. III, стр. 100—101.

⁴⁰ G. W a l t e r. Op. cit., p. 194.

14 пловизоа (2 февраля) Конвент постановил взять обратно свой декрет об аресте Венсана и Ронсена. Справедливость как будто восстановлена? Не тут-то было. Освобожденный из тюрьмы Венсан жаждал полной реабилитации и настаивал на своем принятии в члены Якобинского клуба (Ронсен уже был его членом). Его кандидатуру поддерживал Моморо. Но на заседании 23 пловизоа (11 февраля) у якобинцев вопрос о принятии Венсана был отложен. Кордельеры, едва успевшие снять траурную вуаль с Декларации прав, опять заговорили о «притеснении патриотов». На заседании клуба Кордельеров 24 пловизоа Моморо обрушился на «всех этих износившихся в республике людей». Это был уже явный намек на Робеспьера, который последнее время болел. «Эти господа считают нас крайними, — продолжал Моморо, — так как мы являемся патриотами и так как они не желают больше быть таковыми, если они когда-либо ими и были». Эти запальчивые слова подхватил Эбер, который также напал на Робеспьера, правда, не решаясь назвать его по имени ⁴¹.

На заседании клуба Кордельеров 12 вантоза (2 марта) Ронсен впервые заявил о «необходимом восстании», о «новом 31 мая». Эбер еще возражал. Он находил, что достаточно потребовать наказания 60 депутатов Конвента, составляющих фракцию «новых бриссотинцев», в том числе Филиппо, Бурдона от Уазы и Камилла Демулена. Но 14 вантоза (4 марта) увлечен был и Эбер. На этом заседании кордельеры опять завесили Декларацию прав черной вуалью. Венсан выразил свое возмущение действиями тех, кто мешал его приему в Якобинский клуб, и предупредил, что новая клика непременно погубит республику, «если мы не прибегнем к оружию, внушающему страх врагам народа» (т. е. к гильотине).

Пришедший на заседание Каррье признался, что, возвратившись из Нанта, он был поражен появлением новых людей на Горе, которые сожалеют об участи тех, «кого поразил меч национального правосудия» (намек на Камилла Демулена и других дантонистов). «Изверги! — воскликнул этот ультратеррорист. — Они хотели бы разбить эшафоты; но, граждане, помните, что гильотины не хотят именно те, которые сами достойны гильотины». В заключение Каррье призвал кордельеров действовать: «Восстание, святое восстание — вот чем вы должны ответить злодеям». Речь Каррье, вызвавшая аплодисменты, подстегнула Эбера, который опять напал на Неподкупного, но опять не решился прямо назвать его. «Самыми опасными являются не воры, а честолюбцы, — сказал он. — Я назову вам этих людей, заткнувших рот патриотам в народных обще ствах. Два месяца я сдерживался, заставлял себя быть осторожным, но теперь я не могу больше молчать». Тут весь зал стал ободрять Эбера. Помощник командующего Национальной гвардией Парижа Буланже крикнул ему: «Пер Дюшен, говори и не бойся: мы все являемся Пер Дюшенами, и мы будем действовать». Эбер все же не рискнул произнести имя Робеспьера, но заявил, что пресечь замыслы «новых бриссотинцев» может лишь восстание. «Да, именно восстание! И кордельеры первыми подадут сигнал, который должен сразить всех угнетателей» ⁴².

Этот левацко-авантюристический призыв «к восстанию», «к новому 31 мая», чтобы очистить Конвент от «новых бриссотинцев», не нашел поддержки ни в секциях, ни в Коммуне. К тому же, призвав к восстанию, кордельеры не предприняли никаких практических шагов к его организации. Они не послали своих комиссаров ни в секции, ни в клубы, как это делалось накануне 10 августа и 31 мая. Кордельеров поддержала лишь секция Марата, во главе которой стоял Моморо. Эта секция явилась 16 вантоза (6 марта) в Коммуну «всей массой» (около 600 человек) и заявила, что она «поднялась» и будет находиться в этом состоянии до тех пор, пока продовольствие и свобода не будут гарантированы, а лица, «преследующие

⁴¹ Ibid., p. 196—197.

⁴² «Moniteur», t. 19, p. 629—630.

патриотов», не понесут должного наказания. Шометт призвал секцию Марата к сохранению спокойствия. «Помните, граждане,— говорил он,— насколько опасным было бы возникновение в Париже хотя бы малейших беспорядков в тот самый момент, когда на фронте начинается новая кампания и когда все наши силы должны быть сосредоточены для борьбы с внешним врагом». Чтобы показать, насколько необоснованно выступление секции Марата, Шометт сослался также на то, что именно сейчас Конвент «по превосходному и основательному докладу Сен-Жюста принял благодетельный и, пожалуй, наиболее популярный декрет, в силу которого люди, признанные подозрительными, будут приговорены к изгнанию, а их имущества секвестрованы, чтобы послужить для помощи неимущим патриотам»⁴³.

Несомненно, секции не поддержали «путча» кордельеров, в частности, потому, что Конвент только что принял вантозские декреты, внушившие большие надежды беднякам.

Убедившись в своей изоляции, кордельеры сразу же забили отбой. Когда 17 вантоза (7 марта) в их клуб явилась депутация Якобинского клуба во главе с Колло д'Эрбуа, кордельеры сорвали и передали Колло траурную вуаль, закрывавшую Декларацию прав, а Эбер заявил, «что Комитет общественного спасения, якобинцы и весь Париж были введены в заблуждение неверными рассказами о заседании 14 вантоза». Эбер разъяснил далее, что под восстанием он и его друзья понимали «более тесный союз со всеми истинными монтаньярами Конвента, с якобинцами и со всеми добрыми патриотами для того, чтобы добиться правосудия над изменниками и остающимися еще безнаказанными преследователями»⁴⁴.

21 и 22 вантоза (11—12 марта) на стенах домов Парижа был расклеен плакат «Ответ Ж. Р. Эбера, автора «Père Duchesne», на ужасную клевету». В плакате говорилось, что кордельеры завесили Декларацию прав лишь тогда, когда лучшие патриоты стали подвергаться несправедливым преследованиям и арестам. «Далекий от того, чтобы служить символом восстания против национального представительства, этот мужественный акт, напротив, должен был способствовать более энергичным мероприятиям в защиту Национального Конвента и в поддержку революционного правительства, которых пытается парализовать новая система модерантизма»⁴⁵.

Никакой реальной угрозы восстания против Конвента в Париже не было. Тем не менее правительственные комитеты поспешили начать репрессии, направленные как против группы кордельеров, так и против широких кругов секционного актива. Были арестованы не только Эбер и его друзья (23 и 24 вантоза), но и Шометт (28 вантоза), а также многие другие лица, не имевшие никакого отношения к «путчу» кордельеров. 1—4 жерминаля (21—24 марта) состоялся процесс эбертистов, а 21—24 жерминаля (10—13 апреля) — процесс Шометта. То были печально знаменитые процессы-амальгамы, когда Фукье-Тенвиль и его помощники посадили на скамью подсудимых одновременно и плебейских революционеров, героев 10 августа и 31 мая, и монархистов-заговорщиков, банкиров-спекулянтов, иностранных шпионов и прочих действительных врагов народа. Тем самым стремились создать впечатление, будто такие люди, как Шометт и Эбер, добивались того же, что и последние, т. е. гибели республики и Конвента, восстановления монархии, победы армий интервентов.

Ложно обвиненные в том, «что они составили заговор против свободы французского народа и национального представительства; что они стремились низвергнуть республиканское правительство и заменить его мо-

⁴³ Ibid., p. 645—646.

⁴⁴ G. Walter. Op. cit., p. 207.

⁴⁵ Ibid., p. 209.

нархический властью; что они условились... подвергнуть республику ужасам гражданской войны и рабства посредством клеветы, мятежа, разращения прав, низвержения социальных принципов и голода, который они хотели обрушить на Париж» (из обвинительного акта по делу эбертистов)⁴⁶, погибли на гильотине руководители Коммуны и клуба Кордельеров: прокурор (национальный агент) Коммуны Шометт, его заместитель и редактор газеты «Père Duchesne» Эбер, командующий Революционной армией Ронсен, генеральный секретарь военного министерства Венсан, администратор Парижского департамента Моморо. Мэра Парижа Паша, другого заместителя Шометта Реаля и секретаря Коммуны Куломбо сместили с постов и арестовали.

Клоотс был арестован еще в декабря 1793 г. и, следовательно, никакого отношения к «путчу» кордельеров иметь не мог. Тем не менее он фигурировал на процессе эбертистов в качестве одного из главных обвиняемых и погиб вместе с ними. Судья Реноден заявил Клоотсу, что его система взглядов «представляла собой тонко задуманное коварство и давала предлог для создания коалиции коронованных глав, направленной против Франции»⁴⁷.

Реальный смысл казней жерминаля и «чистки» Парижской коммуны раскрыли декреты Конвента, направленные на «исцеление» торговли, которую, по мнению монтаньяров, Эбер и Коммуна хотели «убить».

Мы уже упоминали о декрете Конвента от 21—22 февраля 1794 г., которым были внесены существенные изменения в закон о максимуме в пользу торговцев. Еще более выгодным для них был декрет от 12 жерминаля (1 апреля) о реформе закона против скупки от 26 июля 1793 г., споры о котором шли уже давно и который фактически мало применялся. Новый декрет обязывал делать декларации о имеющихся товарах только оптовых торговцев и освобождал от этого розничных торговцев. Наказания за нарушение закона были смягчены: смертная казнь сохранялась только для лиц, которые из контрреволюционных побуждений изымали из обращения товары первой необходимости или же умышленно портили их; для всех остальных нарушителей устанавливалась градация наказаний — от денежного штрафа до тюремного заключения и конфискации имущества. Упразднились также комиссары по борьбе со скупкой, деятельность которых вызвала недовольство торговцев. Функции этих комиссаров должны были выполнять члены генеральных советов коммун, каждый лишь в течение 10 дней. «Торговцы могли вздохнуть облегченно», — справедливо писал по этому поводу Матъез⁴⁸.

Декретом от 26 жерминаля (15 апреля), принятым по докладу Сен-Жюста, вводились премии и ссуды для промышленников и торговцев, подчиняющихся предписаниям закона о максимуме⁴⁹.

Это значило, что если раньше соблюдать максимум торговцев пытались принудить штрафами, наказаниями, арестами, то теперь ставка делалась на своего рода экономическое стимулирование «законной торговли», причем главные выгоды от этого должны были опять получить крупные капиталисты. Прав Матъез, утверждающий, что подобная система была «косвенным нарушением максимума»⁵⁰.

Среди тех революционных учреждений, которые были навязаны якобинской буржуазной диктатуре в период «плебейского натиска», особенно большое недовольство крупных собственников и богатых крестьян вызывали «революционные армии». Чисто народные по своему составу и руководимые, как правило, санкюлотами-активистами отряды «революционеров»

⁴⁶ Ph. V u c h e z, P. R o u x. Op. cit., t. 31, p. 368.

⁴⁷ А. С о б у л ь. Указ. соч., стр. 379.

⁴⁸ А. М а т ь е з. Указ. соч., стр. 422.

⁴⁹ Ph. V u c h e z, P. R o u x. Op. cit., t. 32, p. 325—326.

⁵⁰ А. М а т ь е з. Указ. соч., стр. 428.

(как именовали себя солдаты этих особых формирований) проводили в департаментах явно выраженную санкюлотскую линию, направленную в ущерб богатым и на пользу бедным. Эти отряды накладывали на богатых революционные контрибуции, изымали у них излишки, и не только отправляли хлеб в город, но и подчас распределяли конфискованные у богачей вещи (вплоть до одежды и белья) среди местной бедноты.

Комитет общественного спасения с самого начала испытывал недоверие к этим формированиям. Уже декретом от 4 декабря 1793 г. были распущены все «революционные армии», возникшие в департаментах. После казни эбертистов пришел черед и парижских «революционеров», которыми командовал Ронсен. 7 жерминаля (27 марта) Барер потребовал в Конвенте от имени Комитета общественного спасения упразднения парижской «революционной армии», которую он обвинил в «крайностях», а также в том, что она едва не стала «орудием узурпации» в руках Кромвеля — Ронсена. На этом же заседании Конвент принял соответствующий декрет⁵¹. Но смягчились лишь те статьи закона о максимуме, которые вызывали недовольство промышленников и торговцев. Напротив, статьи, которые были им выгодны, стали исполняться еще более строго.

Закон о максимуме нормировал не только цены, но и заработную плату. Нормирование заработной платы (ставки 1790 г. плюс 50%) означало фактически снижение существовавших осенью 1793 г. ставок. Максимум на заработную плату вызвал недовольство рабочих, привел к их стачкам, которые якобинцы подавляли с такой же суровостью, с какой они боролись против феодальной контрреволюции⁵². В Париже новый тариф заработной платы, соответствующий закону о максимуме, долго не вводился. Этому препятствовала руководимая Шометтом и Эбером Коммуна Парижа. Даже после казни эбертистов новая, робеспьеровская Коммуна не сразу решилась осуществить закон о максимуме на заработную плату и сделала это лишь под нажимом правительственных комитетов. 5 термидора II г. (23 июля 1794 г.) она опубликовала новый тариф заработной платы, соответствующий закону о максимуме. Этот тариф значительно снижал дневную оплату парижских рабочих по сравнению с тем, чего им удалось добиться к весне 1794 г.⁵³, а потому вызвал у них сильное недовольство. Он явился одной из дополнительных причин того, почему парижские предместья не поднялись 9 термидора на защиту Робеспьера. Более того, когда Робеспьера и его друзей везли на казнь, вслед им летели негодующие выкрики рабочих: «Чертов максимум!»⁵⁴.

Избавившись от давления со стороны эбертистов и Коммуны Парижа, Конвент и его комитеты поспешили осуществить ряд мероприятий по смягчению максимума на товары в интересах торговцев и промышленников, в ущерб беднейшим слоям населения. Вместе с тем максимум на заработную плату стал применяться еще строже. Это еще раз доказывает, что якобинская диктатура была передовой, революционной, но буржуазной властью. Что же касается самой оценки казни эбертистов и Шометта, то нужно признать: это был пагубный для судеб революции акт, совершив который якобинское правительство лишилось доверия и поддержки парижских предместий, что и позволило перерожденцам и нувориям сравнительно легко свергнуть его 9 термидора.

⁵¹ «Moniteur», t. 20, p. 66.

⁵² См. В. Г. Ревуненков. Якобинцы и максимум. — «Вестник Ленинградского университета», 1973, № 8, стр. 152—154.

⁵³ А. С о б у л ь. Из истории Великой буржуазной революции 1789—1794 годов и революции 1848 года во Франции. М., 1960, стр. 104—105. Там же приведены тарифы заработной платы различных профессий и категорий парижских рабочих.

⁵⁴ Там же, стр. 107.